

правления банка св. Георгия в Генуе, в ведение которого в 1453 г. перешли все генуэзские колонии Причерноморья (центром их являлась Кафа), и правителями этих колоний. Переписка охватывает время с 1453 по 1475 г. и дает обширный материал для характеристики всех сторон жизни колоний, особенно Кафы. Представленный материал, интересно изложенный, безусловно, обогащает советскую литературу по истории позднесредневекового Крыма.

Отмеченные нами недостатки, однако, не умаляют большого значения самого материала по истории Таврики, публикуемого в сборнике «Феодальная Таврика», ценность которого благодаря этому несомненна.

А. Л. Якобсон

В. А. Кузнецов. Алания X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, 245 с.

В начале X в. на далекой северо-восточной периферии Византийской империи возникло новое политическое образование — Алания, на целых три столетия привлекавшее к себе внимание византийских политиков. В их расчетах Алании отводилась роль аванпоста в борьбе против давних врагов империи хазар, кочевавших в южнорусской степи печенегов и даже далеких от Алании дунайских болгар. В росписи придворного церемониала эксусиократор Алании занял место более почетное, чем правители Руси и Хазарии. Константинопольский патриархат начал в Алании усиленную пропаганду христианства. Вслед за его проповедниками в Аланию потянулись строители, творения которых до сих пор возвышаются в ущельях Верхней Кубани.

До последнего времени Алания не имела своей истории. Сравнительно небольшие очерки З. Н. Ванева и Б. В. Скитского лишь намечали контуры политической и социально-экономической жизни этой страны. Построенные на основании скудных данных письменных источников экскурсии в историю Алании и алан В. Ф. Миллера, Ю. А. Кулаковского, Б. Е. Деген-Ковалевского, М. И. Артамонова, В. Б. Ковалевской и ряда других авторов ни в коей мере не соответствовали тому значению, которое имеет исследование взаимоотношений Византийской империи и ее «варварской» периферии, и той роли, которую сыграла Алания в истории этнических общностей, населяющих области Большого Кавказа. Монография В. А. Кузнецова заполняет этот пробел в отечественной историографии. Она представляет собой полный исторический очерк Алании периода ее максимальной политической активности, глубоко и всесторонне вскрывающий существо социально-экономических процессов, происходивших в центральной части Северного Кавказа.

Монография состоит из четырех глав, краткого введения и заключения. Свое внимание автор концентрирует на проблеме развития феодализма у алан, поэтому основные разделы работы посвящаются анализу важнейших факторов, характеризующих степень зрелости социально-экономических отношений аланского этнического массива в X—XIII вв. Во II—IV главах исследуются уровень развития производительных сил (гл. II «Основы хозяйства»), экономическая и социальная значимость городов в жизни средневековой Алании (гл. III «Возникновение городов»), структура аланского общества и формы его политической организации (гл. IV «Общественный строй»). Первая глава монографии («Политическая история») содержит определение этнической территории аланского массива и очерк политической истории Алании. Эта глава вводит читателя в атмосферу сложных межэтнических взаимоотношений, возникших в прилегающих к Большому Кавказу областях вслед за падением влияния Хазарской державы на севере и усилением византийско-грузинских контактов на юге.

Изложение материала в I и IV главах строится преимущественно на основе письменных источников, привлекаемый для решения поставленных в них вопросов археологический материал играет здесь подсобную роль. II и III главы базируются на данных археологических изысканий. Помимо интересных выводов и наблюдений автора читатель находит в книге новую, значительную по объему информацию, важную для широкого круга историков, разрабатывающих проблемы социально-экономической истории Восточной Европы, Кавказа, Крыма, Балкан, Средиземноморья.

В I главе книги В. А. Кузнецова исследуются проблемы этнотерриториального и этнополитического единства Алании, взаимоотношений Алании с Хазарией, Византией, Грузией, русами, вопрос о монголо-татарском завоевании Северного Кавказа. Автор приходит к выводу о формировании в X—XIII вв. средневековой ираноязычной аланской народности, которая сконцентрировалась в предкавказских равнинах и предгорьях — от притока Кубани Урупа на западе до притока Терека Аргуна на востоке (с. 15). Определение этнических границ Алании и утверждение о формировании в ее пределах этнокультурной общности типа феодальной народности, видимо, не вызовут возражений у исследователей, знакомых с конкретным археологическим материалом; однако для читателя, не знакомого с ним, эти выводы могут оказаться неожиданными и недостаточно обоснованными. Автору необходимо было бы отослать читателя к своей же монографии, в которой подробно рассмотрены проблемы этнокультурных взаимоотношений в Предкавказье IV—XII вв.¹ Это же замечание относится и к вопросу о внутреннем делении Алании на восточную и западную: определив территорию Алании X—XIII вв. и правильно отметив основную тенденцию этнических процессов, проходивших на этой территории, автор уклоняется от рассмотрения этнических проблем. Незавершенность и некоторая априорность выводов этого раздела монографии — в значительной степени следствие недостаточной изученности раннесредневековых этносов Северного Кавказа, их расселения, социальной структуры, культурно-бытовой специфики и межэтнических контактов. Взаимоотношения ираноязычных алан, тюркоязычных болгар и хазар, адыгских племен, вайнахов и многочисленных дагестанских этнических групп все еще не вполне ясны. Только в последние годы стали входить в научный обиход материалы раннесредневековых городищ Терско-Сулакской низменности, Ставропольской возвышенности, низменных районов Осетии и Кабарды. До сих пор весьма затруднительно хронологическое расчленение материала на археологических памятниках типа селищ и городищ, что в свою очередь усложняет изучение динамики этнических процессов. Таким образом, лаконизм автора при изложении этнической истории алан может быть оправдан.

Начало самостоятельной истории Алании В. А. Кузнецов связывает с ослаблением политического влияния Хазарии, которое стало ощущаться на рубеже IX—X вв. Источники свидетельствуют о постепенном умирании в течение X в. Хазарского государства и возвышении на его южных границах Алании. Автор высказывает весьма плодотворную мысль о том, что ослабление хазарского господства в Предкавказье должно было повлечь за собой переход в руки алан части северокавказской степи, что, безусловно, стимулировало развитие у алан отгонного скотоводства. Это обстоятельство помогает удовлетворительно объяснить отношения, сложившиеся в X в. между Аланией и Сериром (горная область Западного Дагестана), царь которого являлся не только союзником царя Алании в борьбе против хазар, но и был данником алан. Можно предположить, что, кочуя все далее в направлении Терско-Сулакской низменности, аланы закрывали серирцам выход на равнинные пастбища и могли нарушать цикличность их скотоводческого хозяйства. Автор прав, оспаривая тезис Ю. А. Кулаковского о том, что в известном пассаже Константина Багрянородного об аланах, могущих препятствовать движению хазар к Саркелу, Херсону и Климатам (*De adm. imperio*, 11), имеются в виду какие-то «припонтийские» аланы. Константин имеет здесь в виду, несомненно, алан Центрального Предкавказья, устанавливавших в середине X в. свой контроль над северокавказской степью. В политической борьбе алан и хазар за степь отразилась, как явствует из дальнейших разделов книги, насущная потребность аланской экономики в расширении скотоводческой территории, сдерживаемая до X в. хазарским могуществом.

Константин Багрянородный говорит также о возможности нападения алан на хазарские климаты, прилегающие к Алании (*De adm. imperio*, 10). Климатов, областей, откуда проистекает все благосостояние Хазарии, по Константину, девять.

¹ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962 (МИА СССР, вып. 106).

Позволим себе не согласиться с В. А. Кузнецовым, локализирующим климаты Хазарии только в Нижнем и Среднем Прикубанье, ибо эта локализация не вытекает из данных источника. Области, зависимые от Хазарии, охватывали на Северном Кавказе значительно более обширную территорию. Борьба за влияние в этих областях и приводила к возникновению алано-хазарских конфликтов, результатом которых явилось «возвышение» Алании.

В политической истории Алании X в. существенную роль сыграли походы русских дружин на Каспий и в Закавказье. Во время похода 943—944 г. на Бердаа, как свидетельствует ряд источников, русы выступали в составе коалиции, включавшей алан и лезгов (под последними следует понимать не только лезгин, как делает В. А. Кузнецов, но и другие этнические группы Дагестана, возможно, союзных аланам серирцев). В 965/66 г. русы нанесли последний удар Хазарскому каганату. Вслед за разгромом Итиля и Семендера, лежавших в области Прикаспийской Хазарии, дружины Святослава прошли по Предкавказью на запад, где вступили в контакт с ясами (аланами) и касогами (адыгские племена). В. А. Кузнецов в своей оценке похода 965/66 г. присоединяется к разделяемому большинством историков мнению М. И. Артамонова о том, что поход Святослава представлял собой хорошо продуманную и организованную акцию, направленную на разгром экономических центров Хазарии. Мы не можем с этим полностью согласиться, так как рассказ летописи главной целью похода Святослава называет подчинение Киеву вятичей, обитавших в далеких от Предкавказья приокских лесах². Поход на Волгу и Каспий был вызван необходимостью покончить с хазарской ориентацией некоторых восточнославянских племен, которая препятствовала их объединению в составе Киевского раннефеодального государства. Но внезапный и энергичный рейд Святослава в глубь Хазарии действительно привел к полному разгрому и падению этого государства, подготовленным всем ходом его экономического и политического развития. Появление дружин Святослава в Центральном Предкавказье завершило борьбу Алании с хазарами за независимость. Политические интересы Руси и Алании в период борьбы с Хазарией, несомненно, совпадали.

Стремление алан добиться независимости от хазар и в противовес им создать в Предкавказье свое политическое объединение не осталось незамеченным в Константинополе. Согласно данным Кембриджского анонима, к 30-м годам X в. византийская агентура сумела настолько глубоко укорениться в Алании, что ей удалось инспирировать открытое выступление Алании против хазар, закончившееся ее поражением. Автор, безусловно, прав, указывая на то, что на новом этапе алано-хазарских отношений зависимость Алании от каганата выглядела в значительной степени номинальной (с. 23); Алания по-прежнему играла видную роль в системе «политического равновесия», которую Византия стремилась создать вдоль северных границ империи. Во второй половине X—XII вв. взаимоотношения Алании и Византии укрепляются и приобретают новые формы: аланские отряды сражаются под знаменами ромеев в Италии на Балканах; к помощи алан Византия прибегает при осуществлении своих планов в Закавказье; представители аланского нобилитета роднятся с ее крупнейшими феодальными династиями (Комнины, Дуки). Столь же многосторонние связи устанавливаются между Аланией и Грузией.

Анализ политических связей алан в XI—XII вв. приводит В. А. Кузнецова к обоснованному выводу о том, что во второй половине XII в. в Алании начался период феодальной раздробленности (с. 33). Сплочение аланского этнического массива, достигнутое в ходе борьбы с Хазарией, видимо, было весьма непрочным. Через всю историю Алании красной нитью проходит политический сепаратизм ее западной и восточной частей. Причины этого явления, к сожалению, остались в книге без объяснения. Можно лишь догадываться о том, что автор усматривает их в неполной этнической консолидации различных по происхождению и диалекту родо-племенных групп. Причиной политической диссимилиации, обнаружившейся в XII в., автор считает далеко зашедшую феодализацию аланского общества (с. 34). С этим положением трудно не согласиться.

² Гадло А. В. Восточный поход Святослава (к вопросу о начале Тмутороканского княжения). — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 59—68.

Завершая I главу книги, В. А. Кузнецов ставит закономерный вопрос: какова дальнейшая судьба населения Алании после татаро-монгольского погрома; ведь после 1239 г. с политической карты Кавказа не только исчезает аланское государственное объединение, но и резко сокращаются границы расселения ираноязычных родо-племенных групп. Потомки алан осетины (грузинские «овсы») сосредоточились на сравнительно небольшой территории бассейна верхнего Терека в пределах современной Осетии. В. А. Кузнецов обращает внимание на то, что аланское население исчезло главным образом в верховьях Кубани, и объясняет это массовыми миграциями алан в XIII в., которые коснулись в основном Западной Алании (с. 44). Автор признает, что решающих аргументов для такого вывода нет и высказываемое им положение следует рассматривать как одну из гипотез.

В. А. Кузнецов полагает, что Западную Аланию (верховья Кубани и Пятигорье) населяли ираноязычные этнические группы ас-дигор (асы), родственные собственно аланам-иранцам (карта, рис. 1, с. 14). Он допускает возможность «проникновения в глубь аланской территории группы полукочевого тюркского населения», которое распространилось в районе Кисловодска и в восточном Карачае в VIII в. и, по его наблюдениям, прослеживается археологически до X в.

Не оспаривая в целом созданную автором этническую картину, мы считаем нужным обратить внимание на тот факт, что возвышение Западной Алании произошло не в VIII, а в середине X в., т. е. совпало с исчезновением на Ставропольской возвышенности массы поселений, существовавших там в хазарский период (эти поселения были открыты в последние годы экспедицией Ленинградского университета). Ставропольские поселения принадлежали носителям так называемой салтово-маяцкой культуры, которая в своем южном степном варианте, по мнению абсолютного большинства исследователей, принадлежала древнеболгарским родо-племенным группам, входившим в число данников Хазарии. В керамике поселений и городов Алании, в особенности Западной Алании, X—XII вв. прослеживаются связи с салтово-маяцким культурным ареалом. Создается впечатление, что население Ставропольской возвышенности ушло в X в. из степи в предгорья, где стало существенной силой, вызвавшей экономический подъем, характерный для Аланий X—XIII вв. Исчезновение ираноязычного населения в Западной Алании (современный Карачай), таким образом, можно объяснить ассимиляцией в этом районе ираноязычных групп болгарскими тюркоязычными группами, имевшей место в течение X—XIII вв. Уничтожение или вынужденная миграция местной аланской аристократии в период монгольского нашествия и ассимиляция алан тюрками привели к тому, что на территории Западной Алании в XIV—XV вв. оказалось не ираноязычное, а тюркоязычное население, предки современного карачаевского народа³.

Во второй главе рецензируемой книги анализируются материалы хозяйственного развития аланского этнополитического объединения. В. А. Кузнецов рассматривает здесь данные о земледелии, скотоводстве, ремесленном производстве и промыслах (охота, рыболовство, боргничество) алан. В отличие от исследователей, считавших, что в основе хозяйства алан лежало скотоводство, В. А. Кузнецов доказывает ведущую роль земледелия в хозяйственном комплексе алан X—XIII вв.

Вопрос о происхождении аланского земледелия и степени его развития весьма не прост, но, умело сопоставляя отрывочные данные письменных источников и археологических находок, В. А. Кузнецов получает, на наш взгляд, надежные результаты. Справедливо отмечая, что тенденция к переходу от кочевого скотоводческого уклада хозяйства к оседлому земледельческому наметилась у племен сармато-аланского этнического массива уже в самом начале нашей эры, автор определяет основные вехи этого процесса — от неполной оседлости в V—VII вв. к стабильному земледелию в плодородной зоне равнин и предгорий в VIII—IX вв. Говоря о причинах, приведших алан к смене хозяйственного уклада, В. А. Кузнецов отмечает три фактора: разгром алан гуннами в IV в., внутреннее развитие

³ Гадло А. В. Памятники салтово-маяцкой культуры в Центральном Предкавказье. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории, вып. 3. Л., 1976, с. 99—103.

аланских кочевых общин и длительное общение с древним автохтонным населением Предкавказья. Некоторой коррекции, по нашему мнению, заслуживает определение первого фактора. Гуннское вторжение на Северный Кавказ, как и в другие области, лежащие к западу от Волги, безусловно, стимулировало рост экономической и социальной дифференциации внутри аланских родо-племенных групп и привело к вытеснению ряда этих групп из степи в предгорья. Однако оно было не единственным событием подобного рода. В IV—VII вв. в южнорусской степи идет систематическое расширение территорий, заселенных родо-племенными группами тюркского гунно-болгарского этнического круга. Начало же стабилизации и появление многочисленных оседлых поселений по границам степи, в поймах больших рек, на морском побережье и в предгорьях совпадают только с политическим возвышением Хазарского каганата⁴.

Тщательный анализ данных (письменные свидетельства, случайные находки предметов сельскохозяйственного инвентаря, материалы из раскопок, этнографические параллели, наблюдения палеоботаников, ландшафтоведов и климатологов) приводит автора к важному заключению о том, что для Алании X—XIII вв. было характерно сочетание трех систем земледелия, которые соответствовали вертикально-зональному ландшафту страны и особенностям ее природной среды. Относительно высокая культура земледелия обеспечивала в течение X—XIII вв. аланским земледельческим общинам стабильный и, видимо, значительный прибавочный продукт, что не могло не сказаться на динамике социальных отношений в Алании.

Высокий уровень скотоводческого комплекса в хозяйстве алан не вызывает сомнений у исследователей. В. А. Кузнецов полагает, что ведущей отраслью скотоводства у алан было овцеводство. Нам представляется, что это положение нуждается в дополнительном обосновании. Палеозоологи, на наблюдения которых опирается автор, не всегда имеют возможность определить по костным остаткам количество особей козы и овцы. Приводимые же свидетельства письменных источников недостаточно показательны. Между тем за соотношением количества особей того и другого вида в стаде скрываются две специфические системы скотоводства и различные этнические и культурно-хозяйственные традиции. Если в дальнейшем палеозоология докажет, что в стаде у алан действительно преобладала овца, то предположение В. А. Кузнецова о существовании у алан отгонного (яйлажного) скотоводства, требовавшего использования под зимние пастбища низменных районов северокавказской степи, окажется верным. В соответствии с этим получают надежное подтверждение и выводы автора относительно политических и экономических взаимоотношений алан с хазарами и половцами. Точно так же нуждаются в подкреплении предположения автора относительно доли крупного рогатого скота в скотоводческом хозяйстве алан и доли свиноводства. Необходимо также уточнить роль лошади как животного, мясо которого употреблялось в пищу. Выводы относительно роли скотоводства у алан станут убедительными лишь после палеонтологических исследований массового костного материала бытовых памятников, обладающих четкой и хорошо датируемой стратиграфией.

Раздел книги, посвященный ремесленному производству, является самым обширным. Автор анализирует источники, характеризующие черную металлургию (кузнечное дело) и металлообработку, ювелирное дело (обработку цветных металлов), гончарное производство, производства, связанные с обработкой камня, дерева и кожи.

Топография находок железных плаков, связанных с памятниками VIII—XII вв. на территории Алании, приводит В. А. Кузнецова к выводу о том, что металлургическое производство было сосредоточено в основном в горной и предгорной зонах. Равнинные земледельческие районы, видимо, импортировали железо и изделия специализированных кузнечных мастерских, которые тяготели к расположенным в зоне предгорий городским поселениям. К заключению о наличии специализации в кузнечном производстве приводит обширная (до 40 наименований) номенклатура изделий местных кузнецов и технологическая сложность изготовления дошедшей до на-

⁴ См.: Плетнева С. А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М., 1967 (МИА СССР, вып. 142).

шего времени кузнечной продукции. Ряд производств (например, производство оружия, конского снаряжения, воинских доспехов) вызывал потребность в кооперации кузнецов-металлургов с мастерами кожевенного дела, медниками, резчиками по дереву, ювелирами. Как убедительно показывает автор, литейное и ювелирное дело в Алании X—XII вв., подобно специализированной черной металлургии, приобрели характер самостоятельных ремесел, работавших на рынок.

Тот же вывод делает В. А. Кузнецов при анализе керамического производства в Алании X—XII вв. Он полагает, что гончарное производство получает в городах Алании «характер самостоятельного ремесла, работавшего на заказ и на рынок» (с. 132). К XIII в., по мнению автора, относится появление в городах мастеров, работавших на совершенном гончарном круге, и отмечается начало дифференциации форм городской и сельской керамики.

К сожалению, изученность средневековой керамики Северного Кавказа пока не позволяет использовать этот вид источников для установления взаимосвязей городского ремесла Алании и закавказских ремесленных центров. Точно так же источники не дают основания для сопоставления уровня развития ремесла в аланском городе и византийских городах, расположенных в близком к Алании причерноморском районе. Однако основания для постановки такого вопроса имеются. Крупное церковное строительство, начавшееся в X в. в верховьях Кубани и Большого Зеленчука, не могло не привлечь в Аланию мастеров черепичного дела и керамистов, специализировавшихся на производстве кирпича (В. А. Кузнецов отмечает находки черепиц с грузинскими клеймами и плитфы). Весьма вероятно проникновение на Северный Кавказ технологических традиций обработки глины из Закавказья вместе с мастерами строительной керамики. Церковное строительство не могло не привлечь и ремесленников других специальностей: каменотесов, строителей, металлургов, плотников и т. д. Оно интенсифицировало связи, передачу технических навыков, способствовало установлению производственных контактов между мастерами разных специализаций, разрушало традиционную скованность домашнего ремесла, расширяло профессиональный кругозор.

В. А. Кузнецов заключает данный раздел монографии общей оценкой уровня развития ремесленного производства в стране — он был, бесспорно, весьма высоким. Читателю, однако, хотелось бы помимо констатации фактов, изложенных на страницах книги, ознакомиться со сравнительным анализом уровня развития ремесла в Алании и в других подобных раннесредневековых этнополитических образованиях. Тогда выводы автора о структуре аланского общества и уровне развития в Алании экономических и общественных отношений, содержащиеся в последующих главах, были бы более обоснованы.

Третья глава монографии посвящена аланскому городу. В. А. Кузнецов предлагает по существу первое обобщение результатов археологических исследований северокавказских раннесредневековых городских поселений. Глава состоит из двух разделов: в первом разбираются письменные и археологические данные о городах Алании, во втором анализируются материалы Нижне-Архызского городища, расположенного в верховье р. Большой Зеленчук, которое в настоящее время является одним из наиболее исследованных раннесредневековых городских поселений Северного Кавказа.

В первом разделе рассматривается проблема локализации топографических показаний письменных источников. В. А. Кузнецов начинает очерк с анализа свидетельства VIII в. («Хождение Епифания»), где упомянут аланский город Фустан. Недоверие В. А. Кузнецова к более ранним сведениям Захария Ритора, на наш взгляд, вполне оправдано: трудно предполагать наличие у алан в V—VI вв. городов — средоточий специализированного ремесленного производства и торговли. Локализация Фустана на плато Рим-гора (в 18 км к западу от Кисловодска), предложенная В. А. Кузнецовым, исключительно интересна. Рим-гора представляет собой действительно крупнейший пункт, населенный аланами (или скрытой под их этнонимом группой) на вероятном пути Епифания в Авазгию. Относительно локализации второго аланского города — столицы алан Магаса — В. А. Кузнецов присоединяется к гипотезе В. Б. Виноградова, отождествляющего Магас с Алхан-Калинским городищем на р. Сундже (в районе Грозного). Третий аланский город, известный

в русских источниках под именем Дедякова, В. А. Кузнецов отождествляет с городищем Верхнего Джулата-Татартуша, приводя в пользу этого предположения ряд веских соображений. Подход автора к вопросу о локализации аланских городов импонирует строгостью и осторожностью в обращении с весьма противоречивыми источниками. Из наименований аланских городов, встречаемых в различных источниках, он выбирает только те, реальность существования которых не вызывает сомнения.

Нижне-Архызское городище привлекает к себе особое внимание исследователя не только как наиболее изученный аланский город, но и как вероятный центр Алайской епархии X—XIII вв. Это одно из крупнейших городищ западной Алании. До настоящего времени в его северной части возвышаются храмы, воздвигнутые в X в., с городищем связан ряд памятников греко-византийской и мусульманской эпиграфики. В. А. Кузнецов сжато, но обстоятельно характеризует топографию, бытовые и хозяйственные сооружения города, сохранившиеся на его территории архитектурные памятники, окружающие его могильники, наиболее важные вещественные и эпиграфические находки.

Город, по мнению В. А. Кузнецова, возник в X в., когда одновременно с возведением трех крупных храмов и монастыря стала заселяться и прилегающая к ним долина Большого Зеленчука. Город находился на важной магистрали, связывающей Северный Кавказ с Абхазией и через нее — с Византией и Средиземноморьем. В XI—XII вв. городские кварталы подвергались реконструкции и перестройкам, которые были вызваны ростом численности населения и естественной сегментацией заселявших его родовых групп и семей.

Анализ архитектурных особенностей архызских храмов привел автора к важному заключению «об осязаемом византийском влиянии на население и район Нижнего Архыза в X—XIII вв.» (с. 176). Активную роль в распространении этого влияния, по его мнению, играли представители возвысившейся в X—XIII вв. феодальной Абхазии (с. 176). В то же время памятники эпиграфики убедительно свидетельствуют о существовании на территории города, главным образом в районе монастыря, колонии лиц, владевших греческим языком и письменностью. В. А. Кузнецов предполагает, что среди них могли находиться и византийские греки, причастные к клиру епархии. Вместе с тем эпиграфика свидетельствует и о наличии в городе мусульманской колонии. В. А. Кузнецов не останавливается на вопросе о происхождении мусульманской колонии в Архызе, он лишь фиксирует ее наличие и подчеркивает сложность религиозной ситуации в Алании X—XII вв. Бесспорным подтверждением этого являются материалы, полученные при исследовании могильников городища. Население города, как свидетельствуют могильники, не только не было сплошь христианским в начале заселения его территории, но и не перешло полностью в христианство в течение трех столетий его существования.

В. А. Кузнецов вслед за В. Ф. Миллером считает Нижне-Архызское городище центром Аланской епархии и одним из основных опорных пунктов Византии в ее экспансии в западную часть Алании (с. 194). Сопоставляя материалы Нижнего Архыза с материалами Рим-горы, Верхнего Джулата, Алхан-Калы, Нижнего Джулата и других крупных поселений Алании, автор приходит к выводу о формировании в предгорном районе городских центров, осуществлявших экономические связи как международного, так и местного значения. Анализ развития хозяйства Алании в X—XIII вв., содержащийся в предыдущем разделе книги, делает этот вывод вполне обоснованным. Отделение ремесла от земледелия и скотоводства, специализация ремесел и появление товарной ремесленной продукции неминуемо должны были сочетаться с формированием городских поселений.

Выводы III главы заставляют нас вновь вернуться к высказанным выше положениям относительно причин быстрого возвышения Алании. Появление архызского центра относится к X в. В X—XI вв. превращаются в города (с соответствующей перепланировкой кварталов) другие поселения Карачаево-Черкессии (Гиляч, Адюх, Рим-гора). К западу от Нижнего Архыза, на собственно адыгской и пограничной с ней территории, также известны крупные городища, эпоха расцвета которых соответствует эпохе расцвета нижнеархызского центра. Это городище, лежащее при впадении р. Кривой в р. Кяфар, городище на р. Куве, притоке р. Урупа, городище

у аула Ахмет-Кая на р. Лабе, городище на р. Монашка, притоке р. Кизинки, и др. Все они близки по своему типу к городищу Нижнего Архыза. Видимо, процесс образования городских поселений в предгорном районе охватил не только этническую территорию алан, но и территорию соседних адыгов. Этот процесс не мог проходить вне связи с политическим ослаблением Хазарии и отливом в предгорья населения северокавказской степи под натиском ее новых хозяев — печенежско-гузских родо-племенных групп.

Четвертая глава рецензируемой книги посвящена социальной структуре аланского объединения. Автор анализирует материалы, характеризующие территориальную общину, класс феодалов, зависимые группы населения и государственную организацию алан. В работах Б. Е. Деген-Ковалевского, Е. И. Крупнова, Б. В. Скитского, З. Н. Ванеева, Е. П. Алексеевой уже была сделана попытка дать периодизацию процесса становления классового общества у алан. Не рассматривая подробно ранние этапы этого процесса, В. А. Кузнецов присоединяется к мнению о зарождении и становлении феодальных отношений у алан в VIII—IX вв. Свое внимание автор сосредоточил на исследовании общественных отношений в Алании начиная с X в. В сфере его внимания оказываются две основные социально-экономические ячейки раннефеодального общества: сельская территориальная община и складывающееся феодальное хозяйство. Для характеристики эволюции этих ячеек В. А. Кузнецов привлекает значительную группу фактов, полученных в результате археологических исследований, удачно объясняя их при помощи этнографических параллелей.

Анализ топографии аланских поселений VIII—XIII вв. приводит автора к убедительному выводу о далеко зашедшем у алан равнинно-предгорной зоны процессе распада родовых отношений и сложении крупных территориальных ассоциаций, территориальных общин. Характерное для алан гнездовое расположение поселений, при котором к сильно укрепленному большому городищу тяготеет группа менее значительных, приводит В. А. Кузнецова к выводу о том, что в аланском обществе еще были сильны элементы родовых связей. Малые поселения (городища) он рассматривает как места обитания патронимических групп, входивших в территориальную общину. Существование родовых групп и их относительная стабильность подтверждается анализом топографии погребений в аланских могильниках X—XII вв. Вместе с тем В. А. Кузнецов отмечает факты, свидетельствующие, по его мнению, о процессе выделения и обособления малой семьи, за которым скрывалось одно из глубочайших изменений в экономике общества — возникновение частной собственности на землю.

В связи с тем, что количество исследованных до сих пор аланских поселений незначительно, В. А. Кузнецов при характеристике процесса выделения господствующего класса в Алании вынужден вновь обратиться к внешней, устанавливаемой визуально топографии поселений. Определяемые им вслед за другими исследователями аланских памятников (А. А. Иессен, Б. Е. Деген-Ковалевский, Т. М. Мианаева, Е. П. Алексеева) черты социальной дифференциации общины вряд ли могут быть оспорены. Действительно, аланские городища VIII—XII вв. характеризуются наличием обособленных внутри них участков, которые принято трактовать как места обитания феодализирующейся родо-племенной аристократии.

Классовое расслоение аланского общества в X—XIII вв. В. А. Кузнецов иллюстрирует материалами раскопок могильника у станицы Змейской, где был обнаружен ряд исключительно богатых захоронений представителей местной аристократии. Статистические подсчеты показали, что богатые погребения составляли всего 5% от общего числа погребений в могильнике. В. А. Кузнецову удалось выделить погребения конных и пеших воинов, составлявших, по его мнению, «крестьянское ополчение». На территории могильника было обнаружено несколько погребений, давших основание определить погребенных как рабов. Предположение В. А. Кузнецова о существовании в Алании рабовладения достаточно обосновано. Следует подчеркнуть лишь тот факт, что рабовладение, вероятнее всего, имело свои основные источники не внутри, а вне аланского этноса.

Исследование скудных по содержанию и малочисленных источников для изучения структуры государственной власти в Алании X—XIII вв. привело В. А. Куз-

пецова к выделению в истории аланской государственности двух этапов: 1) периода централизации — X—XI вв. (на наш взгляд, более удачным был бы термин «консолидация») и 2) периода децентрализации — XII—первая половина XIII в. Первый период характеризуется наличием сильной «царской» власти, второй период — время феодальной раздробленности и возрастающего сепаратизма отдельных властителей (алдаров).

В. А. Кузнецов полагает, что подготовленное существовавшим до X в. союзом аланских племен аланское раннефеодальное государство возникает на местной, «варварской» основе и восходит к военно-демократическому устройству общества, явные признаки разложения которого обнаружили уже в VIII в. Тезис о временном единении аланского этноса и, возможно, соседних неираноязычных этнических групп в рамках одного политического образования, которое складывается, вероятнее всего, к первой четверти X в., обоснованный автором монографии, не нуждается в коррекции. Византийские, арабо-персидские, хазарские источники X в. знают одного государя в Алании и представляют Аланию достаточно целостным и консолидированным этнополитическим образованием.

Книга В. А. Кузнецова является многоплановым исследованием, всесторонне анализирующим жизнь аланского этнополитического объединения X—XIII вв. Автору удалось создать картину зарождения и созревания феодальных отношений в одном из наименее освещенных письменной традицией районов «варварского» мира.

В работе В. А. Кузнецова представлен весь комплекс сведений об аланском этнополитическом объединении, которым располагает современная наука, намечены главные направления будущих исследований в данной области. Этим определяется значение книги для современных и будущих историков-кавказоведов.

Книга В. А. Кузнецова имеет, однако, не только региональное значение. В ней представлен итог изучения конкретного этнического массива в период разложения родо-племенных связей и вызревания феодальных социально-экономических отношений. В. А. Кузнецов наглядно показывает, как в специфических формах хозяйства, общественно-политической организации, межэтнических и культурных связей, верований и быта проявляются общие закономерности становления классового общества и действуют универсальные законы перехода от первобытнообщинного строя к феодальной формации.

А. В. Гадло

Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 5. Греческие рукописи. Составитель И. Н. Лебедева. Л., 1973, 242 с.

Собрание греческих рукописей Библиотеки АН СССР в Ленинграде одно из крупнейших в нашей стране. Оно насчитывает 293 рукописи VI—XIX вв. и занимает четвертое место — после ГПБ, ГИМ и ГБЛ — среди наших основных хранилищ. По времени сложения и способу комплектования это собрание является типичным для большинства советских коллекций греческих манускриптов: оно было сформировано главным образом на протяжении XIX—начала XX в. усилиями отдельных ученых, занимавшихся изучением культуры христианского Востока.

В науке греческие рукописи БАН до недавнего времени были известны сравнительно мало: несколько работ, посвященных отдельным рукописям, — вот все, чем располагали исследователи. Заслуга в деле ознакомления специалистов с этим рукописным фондом принадлежит Е. Э. Гранстрем и И. Н. Лебедевой. Е. Э. Гранстрем в 1958 г. опубликовала большой обзор греческих коллекций БАН, а затем в своем «Каталоге греческих рукописей ленинградских хранилищ» впервые подробно описала 84 академических кодекса византийского периода¹. И. Н. Лебедева на

¹ Гранстрем Е. Э. Греческие рукописи Библиотеки Академии наук СССР. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. М.—Л., 1958, с. 272—284. Каталог Е. Э. Гранстрем опубликован в следующих томах «Византийского временника»: вып. 1—т. XVI (1959), вып. 2—т. XVIII (1961), вып. 3—т. XIX (1961), вып. 4—т. XXIII (1963), вып. 5—т. XXIV (1964) и т. XXV (1965), вып. 6—т. XXVII (1967) и т. XXVIII (1968), вып. 7—т. 31 (1971), вып. 8—т. 32 (1972).